

ВРАЧЕБНЫЙ ДОЛГ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЭЗИИ

Л. М. Рутковская ✉

Ярославский государственный медицинский университет, Ярославль, Россия

Статья посвящена анализу образа медицинского работника в отечественной поэзии XX в. применительно к категории долга. Заявленная тема в качестве предмета специального комплексного изучения еще не ставилась в российском научном пространстве. Определяется понятие долга, дается краткий обзор исследовательской литературы по теме. Автор отмечает, что категория профессионального долга врача, появляясь в отечественной поэзии лишь в начале XX в., прочно закрепляется в ней и находит свое отражение на протяжении всего исследуемого периода. При этом поэзия дает примеры как для детского возраста, так и для взрослых, зрелых читателей. В данной статье анализируются поэтические произведения В. В. Маяковского, К. И. Чуковского, Ю. В. Друниной, Н. А. Заболоцкого, М. А. Рутковского. Указывается на особую воздейственную силу поэзии на читателя. Автор приходит к заключению, что созданные отечественными поэтами образы врачей и медсестер, подвижников своего дела, могут иметь методологическое и воспитательное значение в процессе формирования личности будущего врача.

Ключевые слова: этика, долг, врач, медсестра, нравственность, отечественная поэзия

✉ **Для корреспонденции:** Лариса Микелисовна Рутковская
ул. Революционная, д.5, г. Ярославль, 150000, Россия; rulame@mail.ru

Статья поступила: 02.04.2026 **Статья принята к печати:** 21.04.2026 **Опубликована онлайн:** 10.05.2026

DOI: 10.24075/medet.2026.010

Авторские права: © 2026 принадлежат авторам. **Лицензиат:** РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Статья размещена в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution (CC BY) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

DOCTOR'S DUTY AS A SEMANTIC CATEGORY IN RUSSIAN POETRY

Rutkovskaya LM ✉

Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russia

The article analyzes the image of healthcare professionals shown in Russian poetry of the XX century through the lens of a duty. The topic declared as the subject of a special comprehensive survey has not been brought up in the Russian scientific field. The notion of 'a duty' is defined, a summary of research literature related to this issue is provided. The author mentions that the category of a doctor's professional duty, which appeared in Russian poetry in the beginning of the XX century only, is firmly fixed and reflected herein during the entire investigated period. Meanwhile, poetry provides examples both for children and adults. In this paper, pieces of poetry by Mayakovsky VV, Chukovsky KI, Drunina YV, Zabolotsky NA and Rutkovsky MA have been analyzed. It is indicated that poetry produces a specific effect on the reader. The author concludes that the images of devoted doctors and nurses that have been created by Russian poets can play a significant methodological and educational role in developing the professional identity and personality of future healthcare professionals.

Keywords: ethics, duty, doctor, nurse, morality, national poetry

✉ **Correspondence should be addressed:** Larisa M Rutkovskaya
5 Revolutsionnaya Str., Yaroslavl, Russia; rulame@mail.ru

Received: 02.04.2026 **Accepted:** 21.04.2026 **Published online:** 10.05.2026

DOI: 10.24075/medet.2026.010

Copyright: © 2026 by the authors. **Licensee:** Pirogov University. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Отличительной особенностью отечественного процесса образования является включение в него как собственно обучения, так и воспитательной составляющей. Это значит, что проблемы этики, культуры играют важную роль в формировании гармонично развитой личности: не просто ремесленника, узкого специалиста, но мастера своего дела, гражданина своей страны. Уровень морального совершенства/несовершенства общества есть показатель его развитости, и — применительно к отдельной профессии — он формирует облик ее представителей в сознании граждан. Этим определяется актуальность исследования о воплощении этических категорий — долга, чести, блага — в образе врача в отечественной поэзии и в профессии врача в целом.

Синтезируя данные разными словарями определения слова «долг», мы можем определить его как этическую категорию, выражающуюся в нравственной, внутренне определяемой потребности личности, группы лиц или целого общества действовать в конкретных условиях

определенным образом. В расширенном понимании долг может рассматриваться как общечеловеческая категория, тогда он определяется вневременными и внепространственными моральными нормами общечеловеческого характера (например, отказ супругов М. и П. Кюри патентовать свою методику и технологию производства радия во имя человечества); может быть долг перед своей страной и народом, тогда он исходит из норм, принятых в данном обществе и т.д. В идеале они не противоречат друг другу.

Разумеется, когда мы говорим о неких обязанностях, сразу кто-то скажет, что обязанности должны сочетаться с правами и этично ли требовать, например, от врача выполнения долга, если государство и общество не могут обеспечить ему достойные условия жизни. Здесь оговоримся, что проблема прав — это предмет другого исследования. Мы же рассматриваем долг именно как «внутренне принимаемое обязательство» [1], в отличие от императивных норм. Понятие долга оказывается,

таким образом, сопряженным со стремлением субъекта соразмерить свои действия с потребностями общества, с разрешением важнейшей для человечества проблемы Жизни и Смерти, и — нахождением в этом радости существования и осознания собственной ценности, нужности.

Проблема морально-нравственного облика врача достаточно широко представлена в нашей исследовательской литературе (работы Е. А. Вагнера [2], Е. В. Харламова [3], сборники статей различных конференций [4] и др.). Формированию осознанного профессионального долга у будущих военных медиков посвящена диссертация Н. Г. Иванова [5]. Особый интерес представляют труды, посвященные, в том числе, воплощению образа врача в художественной прозе. Так, Т. А. Ковелина отмечает: «Задача художественного образа врача — эмоционально воздействовать на человека, при этом он способен сформировать общественную оценку врачу, стать фактором профессионализации личности, мотивацией выбора профессии» [6]. Кроме того, как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях разрабатывается новый подход к художественной литературе — «врачебное прочтение», или LM (Literature and Medicine) [7]. Обращается среди исследователей внимание на необходимость использования художественной литературы в процессе воспитания будущего врача [8].

Однако системного труда о значении поэтического образа врача мы пока не имеем. Поэзия же, как наиболее емкий тип организации художественной речи, придающий каждому слову особую значимость в общем контексте, наделенная качеством специфического взаимодействия ритма и рифмы, дает возможность максимального воздействия на душу и нравственный склад воспринимающего субъекта. Не случайно и многие первые сочинения по медицине имели стихотворный склад (произведения Асклепиада, Ибн Сины, Лукиана, Цельса, «Лapidарий» Марбоды Реннского, «Салернский кодекс здоровья» Арнольда из Виллановы и др.).

Важность и продуктивность использования поэтических произведений в процессе преподавания подтверждается и некоторыми специальными исследованиями, в ходе которых сами студенты отмечали «возникновение в их восприятии ассоциативных, объемных образных связей между объектами учебной дисциплины и простыми предметами, понятиями» [9]. Таким образом, выявление поэтического образа врача имеет как методологическое, так и практическое значение.

Изучив целый комплекс отечественных поэтических текстов, мы пришли к заключению, что категория врачебного долга как одна из определяющих в моральном облике врача входит в нее с 20-х гг. XX в. Связано это было с тем, что поэзия начинает приобретать пропагандистский характер, особенно в стихах революционных поэтов.

Так, в произведении В. В. Маяковского медицинский работник выполняет общегосударственную задачу. Поэт утверждает образ фельдшера — борца с оспой, в противовес знахарству, суевериям и упованию на божью милость. При этом фельдшер действует совместно с красноармейцем, который в сознании народа был борцом за правое дело, борцом с пережитками прошлого, прогрессивно мыслящим элементом общества. Подспудно и фельдшер (врач, медработник) приобретает в повествовании, а как предполагается и в народном восприятии, эти черты: методом расширительного переноса.

«Готово, — говорит. —

Оспа привилась.

Верьте в медицину, а не в божью милость» [10].

В последующей поэзии врач — это представитель интеллигенции, человек, не просто выполняющий свой гражданский долг, но образцовый, высоконравственный типаж. Вообще удивительная черта всей советской идеологии состояла в стремлении возвысить каждого человека — от рабочего до интеллигента, от малыша до старика. Потому литературные примеры положительны: они дают образец, идеал человека, то, к чему надо стремиться. И в поэзии облик врача приобретает черты, вызывающие в читателе непререкаемое уважение. При том осознается, что врач — это тот же служащий, работающий на общее дело благосостояния страны, выполняющий свои специфические социальные обязанности, стоящий на страже народного здравоохранения.

Так, в 1929 г. К. И. Чуковский пишет детскую сказку в стихах «Айболит». Сам автор признавался, что намеренно использовал множество зрительных образов и усиливал динамичность для более продуктивного воздействия на детский разум. Первоначальное знакомство детей с профессией врача связывалось, кроме того, с его предметным миром — микстуры, градусники. И какой советский ребенок не мечтал стать таким же, как доктор Айболит?

Чуковский создает образ доктора Айболита как защитника всех обиженных, ведь болезнь в его стихах может возникнуть от того, что ужалила обидчик-оса: «Жажда защиты обиженного, драгоценное человеческое чувство, так легко воспринимаемое детской душой...» [11]. Герой Чуковского стремится помочь ищущим у него помощи, даже забывая о себе, готовый мужественно преодолеть любые трудности. Вся сказка в стихах об Айболите наполнена героическим пафосом, а образ врача обогащается в детском воображении такими характеристиками, как жертвенность, служение, забота, долг: если не я, то кто?

Здесь уместно вспомнить слова И. М. Сеченова: «Свою особу он (ребенок. — Л.Р.) ассоциирует со всеми проходящими через его сознание героями и со всеми их свойствами... Сливая себя с любым образом, ребенок начинает любить все его свойства... Любовь к правде, великодушие, сострадательность, бескорыстие... развиваются... частым повторением в сознании страстных представлений... Удивительно ли после этого, что ребенок и в 18 лет, с горячей любовью к правде... готов идти из-за этой правды на муку. Ведь он знает, что его идеалы, его рыцари терпели за нее, а он не может быть не рыцарем, потому что был им с пяти до 18 лет» [12].

Позднее к этой теме в детских стихах будет обращаться А. Л. Барто. Особенность ее стихов — предложение ребенку в игровой форме Я-образа, когда повествование идет от имени санитаря, врача, и ребенок естественно начинает себя с ними отождествлять, вживаться в образ доброго, участливого медицинского работника («Мы с Тамарой», «В кошачьей неотложке» и др.).

Тема исполнения врачебного долга особенно остро встала в поэзии времен Великой Отечественной войны. О войне написано много, в том числе о санитарях, медсестрах, врачах. Необычайно проникновенны и при этом суровы стихи О. Бергольц («В госпитале» и др.). Сами медицинские работники были поэтами — А. И. Никаноркин, А. И. Милевский, В. М. Тушнова и др. Но более других

именно подвигу советского медицинского работника в годы войны посвятила свои строки Ю. В. Друнина. Она сама прошла всю войну: в начале войны записавшись добровольцем в санитарную дружину при Районном обществе Красного Креста и закончив ее старшиной медицинской службы с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Друнина писала о том, что было ей близко, что сама проживала каждый день, поэтому все ее стихи наполнены предельной честностью.

«Побледнев,
Стиснув зубы до хруста,
От родного окопа
Одна
Ты должна оторваться,
И бруствер
Проскочить под обстрелом
Должна.
...Ты должна.
Ведь нельзя притворяться
Перед собой,
Что не слышишь в ночи,
Как почти безнадежно
«Сестрица!»
Кто-то там,
Под обстрелом, кричит...» [13].

Именно в стихах Ю. Друниной рождается образ медицинского работника не как идеальный, созданный воображением автора, но реальный — плоть и кровь, и душа, — для которого нет выше призвания, чем спасти человека, товарища, отстаивающего свободу и независимость Отчизны. На первый план выходят такие качества, как самоотверженность, внимательность к каждому нуждающемуся во врачебной помощи, проявление заботы о нем, умение сохранить в себе способность к самообладанию. Когда ценность каждой человеческой жизни была осознана как предельная величина, от которой зависит, в том числе, и выживаемость всего советского народа, профессия врача, медсестры, санитарки приобрела особую значимость.

«...Но ничего прекрасней нет,
Поверьте
(А было всяко
В жизни у меня!)
Чем заслонить
Товарища от смерти
И вынести его
Из-под огня» [14].

Ю. Друнина и сама оказывалась в шаге от смерти, нуждаясь в медицинской помощи. Врачи Великой Отечественной войны, действительно, совершили великий подвиг, вернув в строй более 70% раненых и более 90% больных солдат и офицеров.

Но война отметилась не только высокой поэзией, значительное место занимал и солдатский фольклор. Сюжеты были различные, часто наивные, но близкие каждому: спасшая солдата медсестра оказывается его сестрой или невестой, доставленный в госпиталь в тяжелом состоянии солдат умирает, и медсестра узнает в нем возлюбленного или сына. Женщина в военных песнях предстает в образе медсестры, санитарки, связистки,

партизанки, всегда готовой не только последовать за своим любимым на линию фронта и сражаться «в битве, в пламени вместе с бойцами» [15] за Родину, но и в случае гибели любимого — продолжить его дело. Женщина, девушка представляется в военном фольклоре не мечтой солдата, но его реальной спутницей и помощницей, отважной и верной.

«На войну, милый, поедешь,
На войну и я с тобой.
Буду раны перевязывать,
Тебе, мой дорогой» [16].

С окончанием Великой Отечественной войны все силы страны были направлены на восстановление экономики, на мирное строительство и поднятие уровня жизни граждан — как экономического, так и культурного. Поэты обращаются к проблемам, волновавшим жителей страны в мирное время.

В 1957 г. Н. А. Заболоцкий, под впечатлением от заметки, помещенной в мартовском номере газеты «Правда» за тот же год, пишет стихотворение «Смерть врача» [17]. Поэта привлекает образ простого человека, самого обычного доктора, но в котором восхищает его огромная нравственная сила. И за этим героем мы видим сотни таких же других, поскольку автор не обозначает ни пространство, ни время конкретно: предметен лишь сам образ доктора. Врач из степного «захолустного села» становится общесоветским типажом, в котором выражены вечные этические начала. Он, поставленный в стихотворении, казалось бы, в экзистенциальную ситуацию, совершает жертвенный выбор и спасает жизнь бригадира будучи сам в предсмертном состоянии, ведь для него нет вопроса — ехать или нет к больному. Его даже не мучают сомнения о правильности выбора, он делает то, что считает для себя единственно возможным — спасти жизнь другого человека, даже ценой собственной. В «поэтической философии (Заболоцкого. — Л.Р.) вычитывается не только отчаянная попытка преодоления конечности бытия, но такая же естественная «нормальность» переживания выпадающих на долю страданий, как и переживание счастья, довольства и т.п.» [18].

«...Человеческой силе
Не положен предел:
Он, и стоя в могиле,
Сделал то, что хотел» [19].

Врач в стихотворении Заболоцкого, таким образом, возвышается над бытием, бытом, временем и пространством благодаря своей высокой нравственности, чистоте души; он одухотворяет мир, внося в него свою частицу доброты, любви, честно исполняя свой гражданский долг, главным становится «творящее, преображающее мир человеческое действие, которое надолго переживет «физический» век самого творца» [20]. Смерть врача, по Заболоцкому, включена в общий поток жизни, он — врач — его нравственная духовная частица. Поэт выводит образ героической смерти, но не бессмысленной, а утверждающей человечность, жертвенность во имя блага.

Однако и в мирное время в сознание вновь и вновь вплетается тема войны, к ней продолжают обращаться поэты 1960–1970-х гг. (М. В. Исаковский, Р. И. Рождественский, К. М. Симонов, А. Т. Твардовский,

Н. С. Тихонов и др.). В 1980-е гг. появляются стихотворения о врачах Афганской войны, с честью выполняющих свой интернациональный долг.

Для поэтов-семидесятников тема Великой Отечественной войны, максимально обнажившая извечные проблемы противоборства добра со злом, жизни и смерти, правды и лжи, была возможностью не только выразить свою признательность поколению ветеранов, закрепить в памяти людей образ великих борцов за правое дело, защитников Родины, но и вновь, с чувством осознания огромного значения в жизни общества нравственных ценностей, поднять тему этики человеческого поведения. К сожалению, стихи поэтов-семидесятников выпали из орбиты научного осмысления, их творчество — со сменой вектора развития Российского государства — на многие годы было отложено на пыльные полки. Однако та сила слова, которой они обладают, заложенные в них непреходящие ценности, важность сохранения преемственности в общем процессе развития русской литературы заставляют вновь к ним обращаться и осмысливать.

Одним из таких поэтов был М. А. Рутковский, в будущем — доктор исторических наук, профессор. В 1986 г. им было написано стихотворение «О солдате и дочери Панфилова», поднимающее проблему братства, народного единения. За историческую основу взяты события обороны Москвы, ноябрь 1941 г. Все образы предельно сгущены в таком малом пространстве текста — простого солдата, генерала, медсестры, но каждый из них — образ стойкости и человечности. Чужие, никогда ранее не знавшие друг друга люди становятся родными и близкими, сплоченные одной бедой, единой целью — победить врага, отстоять Родину. Единым строем выступали солдат и генерал, медсестра и врач, отцы и дети, братья и сестры, жены и мужья. Стихотворение наполнено лексемами разных словоформ, выражающими идею родства: сестричка, батя, отчий, отцом, родным. И в этой лексической и смысловой парадигме высвечивается образ медицинской сестры, стойкой и героической, мужественно выполняющей свой

долг, отказавшей себе в праве хоть на минуту показать раненым солдатам свою боль, свои переживания, свою душевную муку:

«С передовой —
Лишь шаг до медсанбата.
Солдат еще боролся и шептал,
Ломая боль:
«Сестричка, умер Батя...»
Все знали:
Батя — это генерал.
Не по Уставу звали — по привычке,
Что завещал по праву отчий дом.
Он умер, не узнав, что той сестричке
Панфилов-батя был родным отцом» [21].

Таким образом, поэзия XX в. дала нам яркие образы представителей медицинской профессии, которые имеют огромное методологическое и воспитательное значение для тех, кто предполагает посвятить этой профессии свою жизнь. Благодаря повышенной эмоциональности, смысловой емкости, сочетающей краткость изложения и предельную точность при отборе средств выразительности и каждого слова, поэзия особым образом воздействует на моральный облик воспринимающего субъекта и имеет свойство глубокого запечатления в нем. Поэтические произведения, в которых затронута тема исполнения врачебного долга как одной из важнейших морально-нравственных характеристик представителя врачебной профессии, несомненно должны присутствовать в программах детского и подросткового воспитания. Через образ энтузиаста и альтруиста Айболита в произведении К. И. Чуковского, образы самоотверженных медсестер и врачей Ю. В. Друниной, методом реалистической типизации, представленным в стихотворении Н. А. Заболоцкого, посредством закрепления в сознании будущих поколений исторической правды и памяти, как в стихах М. А. Рутковского, формируется тот культурный облик медицинского работника — врача, медсестры, санитаря, — которым всегда отличалась отечественная медицина.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983; 839 с.
2. Вагнер Е. А. Раздумья о врачебном долге. Режим доступа: Eugene_Wagner-The_Reflections-RU.pdf. (дата обращения: 16.03.2026)
3. Харламов Е. В., Склярова Е. К., Киселева О. Ф. Долг врача и гражданина М.: Литагент Книжкин Дом. 2018. Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/evgeniy-harlamov/dolg-vracha-i-grazhdanina-38624489/> (дата обращения: 16.03.2026)
4. Медицинская этика и деонтология. Психология профессионального общения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию ФГБОУ ВО Даггосмедуниверситета. 22 ноября 2022 г. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГМУ. 2022; 378 с.
5. Иванов Н. Г. Воспитание профессионального долга у слушателей военно-медицинских вузов (автореф. Диссертации). М. 2005; 22 с.
6. Ковелина Т. А. Образ врача в культуре (диссертация). Ростов-на-Дону: Рост. гос. ун-т. 2006; 296 с.
7. Тверская С. С. Врачебное прочтение как технология медико-литературного исследования. Актуальные исследования. 2024; 5 (187): 59–62. Режим доступа: <https://apni.ru/article/8351-vrachebnoe-prochtenie-kak-tekhnologiya-mediko>. (дата обращения: 16.03.2026)
8. Архирейская И. М. Изучение медицинской тематики в литературе как необходимое условие профессиональной подготовки студентов-медиков. Вестник научных конференций. 2025; 10–6 (122): 12–14. Режим доступа: <https://ukonf.com/doc/cn.2025.10.06.pdf>. (дата обращения: 16.03.2026)
9. Зайцев А. Н. Использование воздействия на студентов медицинского вуза поэтических образов в качестве дополнительной методики преподавания клинической дисциплины. Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. 2024; 10(2): 38–51.
10. Маяковский В. Полн. собр. соч. Подгот. текста и примеч. П. И. Агеева и Ф. Н. Пицкель. М.: Гос. изд-во худож. лит. 1957; 478 с.
11. Чуковский К. И. История моего «Айболита». В книге: Чуковский К. И. Собр. соч. 2-е изд., электронное, испр. Сост., коммент. Е. Чуковской. М.: Агентство ФТМ, Лтд. 2012; 2:369–379. Режим доступа: <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/knigi/onetofive/istoriya-moego-ajbolita>. (дата обращения: 16.03.2026)

12. Сеченов И. М., Князькин И. В., Марьянович А. Т. Рефлексы головного мозга. В книге: Сеченов И. М. Биография. Главные труды. Авт. предисл., биографии и коммент. СПб.: Изд-во ДЕАН. 2004; 271–398 с.
13. Друнина Ю. В. Ты должна Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/47594/ty-dolzhna> (дата обращения: 16.03.2026)
14. Друнина Ю. В. Это имя... Стихотворения. М.: Современник, 1984; 110 с.
15. Минц С. И., Гречина О. Н., Добровольский Б. М. Массовое песенное творчество. В книге: Русский фольклор Великой Отечественной войны. Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.-Л.: Наука, 1964; 103–148.
16. Власов З. И. Частушки. В книге: Русский фольклор Великой Отечественной войны. Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.-Л.: Наука. 1964; 149–193 с.
17. Заблочкия Л., Шубин Е. Примечания. В книге: Заблочкия Н. А. Собр. соч. Предисл. Н. Степанова; примеч. Л. Заблочкия, Е. Шубина. М.: Худож. лит. 1983; 1: 595–646.
18. Коптева Г. Г. Эпические интенции в творчестве Николая Заблочкия (автореф. Диссертации). Красноярск. 2011; 28 с.
19. Заблочкия Н. А. Собр. соч. Предисл. Н. Степанова; примеч. Л. Заблочкия, Е. Шубина. М.: Худож. лит. 1983; 1: 655 с.
20. Талицкая А. А. Языковая репрезентация концепта «смерть» в произведениях Н. Заблочкия 1929–1937 гг. Ярославский педагогический вестник. 2010; 3: 158–161.
21. Рутковский М. А. О солдате и дочери Панфилова. За технические кадры. 12 марта 1986; 9 (897).

References

1. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'. M.: Sov. jenciklopedija, 1983; 839 s. Russian.
2. Vagner EA. Razdum'ja o vrachebnom dolge. Available from URL: Eugene_Wagner-The_Reflections-RU.pdf. (accessed: 16.03.2026) Russian.
3. Harlamov EV, Skljarov EK, Kiseleva OF. Dolg vracha i grazhdanina. M. Litagent Knizhkin Dom. 2018. Available from URL: <https://www.litres.ru/book/evgeniy-harlamov/dolg-vracha-i-grazhdanina-38624489/> (accessed: 16.03.2026) Russian.
4. Medicinskaja jetika i deontologija. Psihologija professional'nogo obshhenija: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 90-letiju FGBOU VO Daggosmeduniversiteta; 22 nojabrja 2022 g.; Mahachkala: Izdatel'sko-poligraficheskij centr DGMU, 2022; 378 s. Russian.
5. Ivanov NG. Vospitanie professional'nogo dolga u slushatelej voenno-medicinskih vuzov [avtoref. dissertacii]. M., 2005; 22 s. Russian.
6. Kovelina TA. Obraz vracha v kul'ture (dissertacija). Rostov-na-Donu: Rost. gos. un-t, 2006; 296 s. Russian.
7. Tverskaja SS. Vrachebnoe prochtenie kak tehnologija mediko-literaturnogo issledovanija. Aktual'nye issledovanija. 2024; 5 (187): 59–62. Available from URL: <https://apni.ru/article/8351-vrachebnoe-prochtenie-kak-tehnologiya-mediko>. (accessed: 16.03.2026) Russian.
8. Arhirejskaja IM. Izuchenie medicinskoj tematiki v literature kak neobhodimoe uslovie professional'noj podgotovki studentov-medikov. Vestnik nauchnyh konferencij. 2025; 10–6 (122): 12–14. Available from URL: <https://ukonf.com/doc/cn.2025.10.06.pdf>. (accessed: 16.03.2026) Russian.
9. Zajcev AN. Ispol'zovanie vozdejstvija na studentov medicinskogo vuza pojeticheskikh obrazov v kachestve dopolnitel'noj metodiki prepodavanija klinicheskoy discipliny. Vestnik Sankt-Peterburgskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta pedagogiki i psihologii vysshego obrazovanija. 2024; № 2 (10): 38–51. Russian.
10. Majakovskij V. Poln. sobr. soch. Podgot. teksta i primech. PI Ageeva i FN Pickel'. M.: Gos. izd-vo hudozh. lit. 1955–1961; 5. 1957: 478 s. Russian.
11. Chukovskij KI. Istorija moego «Ajbolita». V knige: Chukovskij KI. Sobr. soch. 2-e izd., jelektronnoe, ispr. Sost., komment. E. Chukovskoj. M.: Agentstvo FTM, Ltd. 2012; 2:369–379. Available from URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/knigi/onetofive/istoriya-moego-ajbolita>. (accessed: 16.03.2026) Russian.
12. Sechenov IM. Refleksy golovnogogo mozga. V knige: Sechenov IM. Biografija. Glavnye trudy. Avt. predisl., biografii i komment. IV Knjaz'kin i AT Mar'janovich. SPb.: Izd-vo DEAN. 2004; 271–398. Russian.
13. Drunina Ju V. Ty dolzhna Available from URL: <https://www.culture.ru/poems/47594/ty-dolzhna>. (accessed: 16.03.2026) Russian.
14. Drunina Ju V. Jeto imja... Stihotvorenija. M.: Sovremennik. 1984; 110 s. Russian.
15. Minc SI, Grechina ON, Dobrovolskij BM. Massovoe pesennoe tvorcestvo. V knige: Russkij fol'klor velikoj otechestvennoj vojny. Akademija nauk SSSR. Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom). M.-L.: Nauka, 1964; 103–148. Russian.
16. Vlasov ZI. Chastushki. V knige: Russkij fol'klor velikoj otechestvennoj vojny. Akademija nauk SSSR. Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom). M.-L.: Nauka. 1964; 149–193. Russian.
17. Zablockaja L, Shubin E. Primechanija. V knige: Zabolockij NA. Sobr. soch. Predisl. N. Stepanova; Primech. L. Zablockoj, E. Shubina. M.: Hudozh. lit., 1983; 1: 595–646. Russian.
18. Kopteva GG. Jepicheskie intencii v tvorchestve Nikolaja Zabolockogo (avtoref. Dissertacii). Krasnojarsk: Gorno-Altajskij gosudarstvennyj universitet. 2011; 28 s. Russian.
19. Zabolockij NA. Sobr. soch. Predisl. N. Stepanova; Primech. L. Zablockoj, E. Shubina. M.: Hudozh. lit. 1983; 1: 655 s. Russian.
20. Talickaja AA. Jazykovaja reprezentacija koncepta «smert'» v proizvedenijah N. Zabolockogo 1929–1937 gg. Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2010; 3: 158–161. Russian.
21. Rutkovskij MA. O soldate i docheri Panfilova. Za tehicheskie kadry. 12 marta 1986; 9 (897). Russian.